

Глаза Ся Сяому светились уверенностью, когда он сильно кивнул дедушке Лу: «Да, дедушка, я рисовал «жизнь», и я также могу писать картины маслом».

Лу Цзинчэн посмеялся над ним:

«Не говори об этом просто так, почему бы тебе не нарисовать картину прямо здесь, чтобы доказать это?»

Он бы с удовольствием это сделал!

Ся Сяому улыбнулся: «Спасибо, господин Лу, что дали мне такую возможность».

Лу Цзинчэн:???

Этот ребенок такой спокойный?

Старый господин Лу был одержим живописью и иногда сам наносил несколько мазков дома, поэтому у него были все инструменты для живописи.

После того, как он дал указание экономке приготовить все необходимое, через некоторое время перед Ся Сяому принесли мольберт, масляные краски, кисти, щетки и держатели для кистей.

Ся Сяому погладил эти знакомые инструменты, и его руки задрожали от возбуждения. Прошло почти два месяца, и он наконец-то смог рисовать!

Это было его любимое занятие, Бог свидетель, он мечтал взять в руки кисть, обмакнуть ее в масляную краску и порхать ею, творя.

Инструменты старого господина Лу были самого лучшего качества, а масляные краски той же марки, которыми он пользовался в своем старом мире. Его руки слегка дрожали, когда он возбужденно гладил коробки со знакомыми масляными красками.

Улыбка Лу Цзинчэна усилилась, он подумал, что Ся Сяому вот-вот будет шокирован разоблачением его лжи.

Хмф, давай посмотрим, что ты можешь нарисовать!

Ся Сяому сел перед мольбертом и стал думать: что нарисовать?

Он вспоминал, что произошло с тех пор, как он прибыл в этот мир, поначалу ничего не зная о

людях и событиях этого века.

Притворяясь немым и молчаливым, он сумел понять людей и вещи вокруг себя, но затем ему пришлось столкнуться с жизнью в нищете, каждый день грызть сухие паровые булочки, чтобы наполнить свой желудок, и страдать.

Затем он встретил Лу Цзинханя в столовой, и они встречались снова. Раз за разом он попадал в беду, и раз за разом его спасал Лу Цзинхань.

Несмотря на его безучастный вид, каждый раз от него исходило тепло и чувство защищенности, которого раньше не было.

Никто не знал, каким холодным и темным был его прежний мир, и уж тем более никто не знал, каким беспомощным и отчаявшимся он был когда-то.

До того, как он встретил Лу Цзинханя, никто никогда не вступался за него, чтобы спасти.

В одно мгновение его посетило вдохновение.

Он приступил, умело раскладывая кисти разных размеров и добавляя краски на палитру для смешивания одну за другой, а затем достал из коробки карандаш и начал делать базовый рисунок.

С того момента, как он взял карандаш, люди, сидящие в зале, сразу же обратили на него внимание. Он использовал карандаш быстро и без колебаний, даже не сделав никаких подчисток, карандаш почти летал над холстом. Мальчик был совсем не похож на человека, который никогда раньше не прикасался к масляной живописи.

Еще больше всех заворожил его сосредоточенный взгляд. Его тонкая фигура сидела очень прямо, губы были плотно сомкнуты, симпатичное маленькое лицо было напряжено, только пара глаз блестела, и он излучал неопишемое очарование, сосредоточенный, как будто он был единственным в мире.

Когда Ся Сяому сосредоточен, он действительно забывает обо всем, он даже не слышит и не замечает людей вокруг, он просто переносит картину в своей голове на холст.

Когда она начал раскрашивать эскиз, он по привычке взял карандаш в рот и держал его там.

Вдруг чья-то рука плавно появилась сбоку и вытащила карандаш у него изо рта, и он поднял голову.

Это был Лу Цзинхань!

Когда пришел старший?

Лу Цзинхань держал карандаш, выражение его лица было нейтральным, но в глубоких глазах, отражающих Ся Сяому, был намек на мягкость, которую другие не могли видеть, его тонкие губы слегка приоткрылись.

«Он грязный, я подержу его для тебя».

Вчера Ся Сяому рисовал у него дома, карандаш, который он держал во рту, был его собственным. Но сегодня это был карандаш из старого особняка, кто знает, какие люди прикасались к нему.

В одно мгновение сердце Ся Сяому стало намного спокойнее.

Он улыбнулся Лу Цзинханю и опустил голову, чтобы начать смешивать краски. Затем он взял кисть, обмакнул ее в масляную краску и смело нанес мазок. Белый холст был покрашен слоем серого, густого цвета, похожего на свинец, который выглядел очень удручающе.

Постепенно выражение лиц заведующего и господина Лю становилось все более и более потрясенным.

Помимо того, что они были поражены его искусной палитрой и смелыми цветовыми решениями, их также поразила точность кисти и аура картины.

То, что было изображено на полотне, было лишь прототипом, но, как они уже могли убедиться, это было, безусловно, прекрасное произведение.

Старый мастер Лу говорил, что его рука при рисовании «Жизни» была сырой и нерешительной. Это было связано с цветными карандашами, которые не позволяли ему смешивать именно те цвета, которые ему нравились.

Постепенно проявляется зарождающаяся форма: свинцовое, густое, унылое небо с темными тучами над головой, город, окутанный крошечной тьмой внизу, все здания подавлены и деформированы.

Редкие пешеходы, идущие по улицам, имеют лица, но глаза у них еще более полые, как у ходячих мертвецов, сбившихся с пути. Все это было угнетающе, тоскливо и удушливо.

Пока он не добавил золотой оттенок среди густых облаков.

Всего лишь намек, еще скрытый, но при ближайшем рассмотрении слабый намек на золото несет в себе бесконечное напряжение, которое хочет разорвать небо, заставляя представить,

что за густыми облаками находится солнце, освещающее землю.

Внизу картины он пишет: sunshine.

Лу Цзинчэн как раз собирался сказать: «Какого черта ты рисуешь, где солнце?» Однако посмотрев на выражения лиц окружающих его людей, он тут же закрыл рот.

В комнате было тихо, рты двух учителей не закрывались, их лица были несравненно потрясены. Сюй Чжэ посмотрел на Ся Сяому с недоверием.

А Лу Цзинхань смотрел не на картину, а на Ся Сяому.

Эта картина, как и его сердце, была окутана темными тучами, такими же темными и тяжелыми, как свинец, а юноша перед мольбертом были тем самым солнечным светом, который пробил темное небо, чтобы он больше никогда не сбился с пути.

<http://bllate.org/book/15896/1419169>